

Е. А. Терюкова

ПОНЯТИЕ СЕКТАНТСТВА В РОССИЙСКОМ ВЕРОИСПОВЕДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НАЧАЛА XX В.

Одной из центральных и несменных тем социологии религии на всём протяжении ее существования в качестве самостоятельной религиоведческой дисциплины является типология религиозных организаций. Однако неослабевающий интерес социологов всего мира к этой проблематике так и не привел пока к выработке единой классификации. Знаменитая веберовско-трёльчевская дихотомия «церковь» — «секта» претерпела не одну модификацию и значительно пополнилась в XX столетии за счет других типов религиозных организаций, выделенных и описанных крупнейшими западными исследователями в области социологии религии, но, несмотря на все предпринятые усилия, исследователям, юристам, общественным и религиозным деятелям не всегда удается договориться по поводу терминов.

Одним из самых дискуссионных является термин «секта». Французский социолог Ж.-П. Виллам отмечал, что этот термин, в том значении, в каком он используется в современном обществе, очень спорен и часто обладает уничижительным оттенком. В силу этого социолог религии должен быть особенно осторожным: он не может ставить перед собой цель дискредитировать неконформистские религиозные течения с выгодой для социорелигиозного истеблишмента или развенчивать их от имени апологетов божественного. Подобно антропологу, он призван описывать и анализировать сектантский культ с максимальной объективностью, избегая оценочных суждений и принимая во внимание значительное разнообразие религиозных верований и практик во времени и пространстве [1, р. 25]. По мнению Ж.-П. Виллама, с точки зрения социолога «секта», «церковь», «деноминация», «культ» — это веберовские «идеальные типы», термины, применяемые исследователями для описания различных способов социального существования религиозных групп. Их использование позволяет внести порядок в область типологии религиозных объединений и понять логику их социального функционирования [1, р. 27].

Учитывая вышеупомянутые негативные коннотации термина «секта», многие современные исследователи стремятся отказаться от его употребления, особенно когда речь идет об описании того религиозного многообразия, которым характеризуется современный мир. Тем не менее некоторые социологи продолжают использовать его в качестве удобного социологического концепта, т. е. термина, принятого для обозначения лишь одного из возможных способов социального существования религиозной группы. Не обойтись без этого термина и при исследовании вопросов, связанных с историей вероисповедного законодательства. Так, неотъемлемым элементом русской религиозной жизни начала XX в. было так называемое русское сектантство. Поэтому, в отличие от современного российского законодательства, в котором термины «секта» и «сектантство» отсутствуют, вероисповедное законо-

Терюкова Екатерина Александровна — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: eateriukova@mail.ru

дательство Российской империи, вынужденное отвечать на вызовы своего времени, данные термины использовало и активно прорабатывало.

Согласно российскому вероисповедному законодательству, представленные на территории Российской империи религии в конце XIX столетия подразделялись на господствующую, покровительствуемые, дозволенные, терпимые и недозволенные [2, с. 122]. К первой категории относилось православие, занимавшее первенствующее по отношению к другим религиям положение. К числу покровительствуемых принадлежали римско-католическое, евангелическо-лютеранское, евангелическо-реформатское, армяно-григорианское исповедания, иудаизм, ислам и буддизм. Они находились под покровительством и охраной государства, что означало полную религиозную свободу, с правом возведения собственных храмов, ведения публичных богослужений, приобретения и отчуждения недвижимой собственности, воспитания детей в соответствии со своими религиозными убеждениями. Духовные лица этих исповеданий пользовались теми же правами, что и лица на государственной службе, а их религиозные учреждения состояли под правительственным надзором. К числу дозволенных относились баптисты, религиозные объединения которых были допущены и признаны дозволенными Законом от 27 марта 1879 г., а с 1883 г. — также меннониты и гернгутеры. Дозволенные религиозные общества могли отправлять свои богослужения в частных домах, не имеющих внешних признаков храма, внутреннее устройство которых законом не оговаривалось, и не обладали правом проведения публичных молений. Духовные лица дозволенных религиозных обществ с точки зрения государства ничем не отличались от мирян и не обеспечивались содержанием. Все остальные религиозные организации и общества, официально не признанные и не допущенные, относились к двум последним категориям. Многие из них в делопроизводстве Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел фигурировали под общим термином «сектантство». Под терпимыми понимались такие религиозные общества, деятельность которых, как предполагало правительство, не несла в себе ничего антигосударственного и не могла причинить серьезного вреда, в силу чего не подлежала запрету. К числу таковых в начале XX в. относились, например, не зафиксированные Уставом 1896 г. общины англикан, методистов, членов Армии спасения и др. Недозволенные религиозные общества именовались «изуверными», запрещались и преследовались законом «в виду вредности и опасности для государства и народа» (например, секта скопцов) [2, с. 66]. Анализ делопроизводства Департамента духовных дел иностранных исповеданий показывает, что в российском законодательстве начала XX в. под сектантством подразумевалась обширная и разноликая группа верующих, отделившихся от официальных церквей (православной, католической, лютеранской, реформатской или англиканской) и не признающих церковной иерархии и таинств.

В начале XX в. вопрос о сектантстве широко обсуждался как в среде законодателей, так и среди общественных деятелей и публицистов. По мнению П. Н. Милюкова, под сектантством следовало понимать «проповедь нового взгляда на веру», противоположного обрядовому благочестию [3, с. 102]. Энциклопедический словарь под редакцией Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, с одной стороны, предлагал понимать секту как «организованное общество людей, разномыслящих с господствующей церковью, но согласных друг с другом в религиозном отношении», а с другой — как «веро-

исповедание, которому следует сравнительно небольшое число лиц, и притом такое, которое с точки зрения большинства считается ложным или вредным» [4, с. 325].

Посмотрим, какие взгляды на эту проблему были присущи религиозному законодательству и российским чиновникам, в чьи профессиональные обязанности входила выработка его основных положений. В подготовленном старшим столоначальником Департамента духовных дел иностранных исповеданий Александром Фёдоровичем Евтихиевым «Кратком очерке легализованного сектантства» указывалось, что «понятие сектантства имеет различное содержание в разных государствах, изменяясь на протяжении истории. Принятое ныне отечественным законодательством понятие о нём установилось постепенно, в связи с выяснением опасностей, угрожающих государству от возникновения сект среди православного населения. В период, когда все государственные силы были напряжены в процессе созидания мощи нашего Отчества, всякое отпадение от Православной церкви считалось опасным и преступным нарушением основного начала русской государственности: тесного единения ее с Православием. В это время считали невозможным легализацию сектантства; сектантству, в широком смысле этого слова, было присвоено наименование раскола, а раскольниками назывались как отпавшие в XVII в. от Православной церкви по случаю исправления церковных книг, так и последователи рационалистических и мистических сект» [5, с. 52].

В основе законодательного определения сектантства, на которое опирались в своей деятельности служащие данного департамента в начале XX в., лежали положения Указа от 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости, а также удостоившиеся Высочайшего одобрения 15 апреля 1905 г. суждения Комитета министров. Согласно последним, всех лиц, отделившихся от православия в другое христианское вероучение, которых ранее называли раскольниками, надлежало разделить на три группы: 1) на старообрядцев, к которым были отнесены последователи толков и согласий, приемлющие основные догматы православной веры, но не признающие некоторых принятых ею обрядов и отправляющие богослужение по старопечатным книгам; 2) непосредственно сектантов; 3) последователей изуверных учений, принадлежность к которым наказывалась в уголовном порядке. Таким образом, с 1905 г. сектантами назывались только отпавшие от православия и только в нехристианские вероучения (за исключением старообрядчества и инославных исповеданий). Ситуация, связанная с отпадением в сектантство от иных христианских исповеданий, законом не оговаривалась. К вероучениям сектантов, согласно разъяснению Первого общего собрания Правительствующего Сената в решении от 28 июля 1886 г. № 8584, правительство должно относиться лишь с полицейской точки зрения, не будучи компетентным устанавливать его сущность [5, с. 67].

В составленной в октябре 1916 г. в Департаменте духовных дел записке «О сектантском движении» говорилось, что все секты подразделяются на две группы: мистические и рационалистические. Мистическими назывались секты, принявшие учение о непосредственном, таинственном единении Бога с человеком через воплощение Божества в людях. Источником богопознания эти секты признавали внутреннее озарение и откровение человека, а не Священное Писание и Священное Предание. Рационалистическими назывались секты, последователи которых хотя и признавали источником богопознания Священное Писание, но допускали свободу толкования его каждым верующим. По мнению автора записки, такое «деление сектантства

является не вполне совершенным, так как в мистических сектах встречаются некоторые свойства рационалистического сектантства и в сектах рационалистических наблюдаются мистические проявления. Тем не менее такая группировка сект имеет некоторые достоинства: она до известной степени облегчает усвоение особенностей многочисленных разветвлений вероисповедных движений с их бесчисленными, часто несущественными, отличительными особенностями. Кроме того, деление это совпадает и с положением сект в государстве: мистические секты относятся почти все к числу тайных, не подлежащих легализации. Напротив, важнейшие рационалистические секты легализованы, и их последователями образованы регистрируемые губернскими властями вероисповедные общины.

В государственном отношении мистическое сектантство можно разделить на три группы: хлысты, скопцы и новоизраильтяне.

По действующим законоположениям, рационалистическое сектантство подразделяется на две группы: на сектантов, отпавших от инославия, и на сектантов, отпавших от православия. Отпавшие от инославия сектанты не имеют права образовывать вероисповедные общины с правами юридических лиц.

Кроме того, государственное значение имеют секты, возникшие среди последователей инославных исповеданий, которые привлекают в свою среду адептов из русского населения. Возникшие среди русского населения секты могут быть разделены на две группы: секты, развивающиеся в условиях национально-русского быта (таковы: духоборы, молокане, иеговисты и толстовцы), и секты, сложившиеся под чужеземным влиянием. Национально-русские секты не имеют тенденций к значительному развитию. Общие всем им черты: отрицание таинств, обрядов и иерархии Православной Церкви. Значительными сектами западного происхождения в России являются баптисты, евангельские христиане, адвентисты, пятидесятники и Армия Спасения. Наибольшего развития достигли две первые, родственные секты, баптисты и евангельские христиане» [5, с. 116].

В октябре 1906 г. вышел в свет Высочайший именной указ «О порядке устройства последователями старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантами общин, а также о правах и обязанностях сих лиц», призванный развить и конкретизировать положения Закона от 17 апреля 1905 г. Согласно Указу, отделившимся от православия сектантам предоставлялось право свободного исповедания своей веры и отправления религиозных обрядов по правилам их вероучений, а также возможность образования религиозных общин. В соответствии со второй статьей Указа, сектантскими общинами считались общества последователей одного и того же вероучения, имеющие целью удовлетворение религиозных, нравственных, просветительских и благотворительных потребностей своих членов, собирающихся для общей молитвы в молитвенном доме или ином предназначенном для этого помещении. Указ определял порядок их регистрации и права [4, с. 2]. Как видим, Указ регламентировал порядок образования общин для старообрядцев и сектантов, отделившихся от православия, и оставлял за бортом законодательства массу религиозных общин, отпавших от инославных и иноверных исповеданий. Дабы преодолеть подобную односторонность, тем же Указом от 17 октября 1906 г. министру внутренних дел высочайше поручалось «озаботиться скорейшей разработкой закона о сектантах, отпавших от иных христианских исповеданий» [4, с. 2].

13 марта 1910 г. Министерство внутренних дел утвердило «Правила об устройстве последователями сектантских вероучений вероисповедных съездов». При рассмотрении производящихся в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий дел об устройстве последователями разных сектантских вероучений съездов «было обнаружено, что съезды эти, не упорядоченные никакими правилами, поставлены были в неопределенное отношение и поэтому имели в своих проявлениях немало ненормального». По мнению Министерства внутренних дел, съезды эти «не являлись результатом назревших и требующих совместного обсуждения духовных и материальных нужд более или менее обширного круга последователей данного вероучения, а имели характер агитационных собраний, созываемых в целях насильственного оживления сектантского движения» [6, с. 63]. На основе этих наблюдений и были разработаны новые правила о сектантских съездах.

В дополнение к ним 4 октября 1910 г. были утверждены «Правила для устройства сектантами богослужбных и религиозных собраний» [7, с. 62]. Как показывала практика, необходимость в них назрела. После выхода Указов от 17 апреля 1905 г. и Правил от 4 октября 1910 г. Министерству внутренних дел не раз приходилось специальными циркулярами разъяснять местным властям условия деятельности сектантских молитвенных собраний.

Литература

1. *Willaime J.-P.* Les définitions sociologiques de la sect // Les “Sectes” et le droit en France (Francis Messner). Paris: P. U. F., 1999. 341 p.
2. *Горчаков М. И.* Лекции по церковному праву, читанные проф. Горчаковым в С.-Петербургском университете. [СПб.]: Лит. Богданова, 1894–1895. 455 с.
3. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2, Ч. I. М.: Прогресс, 1994. 416 с.
4. Энциклопедический словарь: в 82 т. / под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. 29. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1900. 478 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 193.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 3.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1.

Статья поступила в редакцию 22 апреля 2013 г.